

ПСИХОТЕРАПИЯ В РАМКАХ ОНТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКОГО РАЗЛИЧИЯ. НЕСКОЛЬКО ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕЗИСОВ К ДАЗАЙН-АНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АЛИСЫ ХОЛЬЦХЕЙ-КУНЦ

ТАТЬЯНА ЩИТЦОВА

Доктор философских наук, профессор.

Департамент социальных и политических наук Европейского гуманитарного университета, 01114 Вильнюс, Литва.

E-mail: tatiana.shchytsova@ehu.lt

Статья посвящена критическому обсуждению дизайн-аналитической концепции швейцарского психотерапевта Алисы Хольцхей-Кунц. Автор сосредоточивается на выявлении внутренней противоречивости подхода Хольцхей-Кунц и одновременно – на демонстрации продуктивного (эвристического) характера этой противоречивости. Основной тезис статьи состоит в том, что ключевая концептуальная новация швейцарской учёной (*обоснование возникновения психических нарушений онтико-онтологическим характером понимания*) позволяет проблематизировать принципиальную теоретическую рамку её версии дизайн-анализа, а именно – хайдеггеровское положение об онтико-онтологическом различии. Такого рода проблематизация происходит в силу выявления в опыте пациента фундаментальной конфликтности между онтическим и онтологическим измерениями, а точнее – между открытостью онтологическим истинам о самом себе и погруженностью в онтическое измерение повседневной жизни. Решающей заслугой Хольцхей-Кунц автор считает выявление экзистенциалов (экзистенциальных априори) в качестве реального опыта психотерапевтических пациентов. Швейцарская учёная называет такого рода *постсторонний* онтологический опыт *чуткостью* (Hellhörigkeit) и трактует её как *эмпирическую* почву для вызревания различных форм душеного страдания. Автор утверждает, что феномен чуткости не может быть однозначно отнесен ни к онтологическому, ни к онтическому измерению и как таковой ставит под вопрос теоретическую ясность онтико-онтологического различия в хайдеггеровской экзистенциальной аналитике Dasein. В опыте чуткости решающее обстоятельство, противоречащее логике хайдеггеровской концепции, состоит в том, что *открытие онтологической истины происходит не в силу собственного акта Dasein*. Чуткость предполагает аффицируемость, пассивную задетость, уязвимость в отношении к тому, чему оказываешься выставлен против собственной воли. В системе координат *Бытия и времени* чуткость выступает поэтому как “онтопатология” – несоответствующее бытийное

© TATIANA SHCHYTTSOVA, 2016

устройство – и самим этим несоответствием открывает место вопросу об иной онтологии человеческого существования. Автор приходит к выводу, что психотерапевтическая интерпретация принципа онтико-онтологического различия у Хольцхей-Кунц обнаруживает необходимость критического переосмысления того, в какой мере предполагаемая этим принципом теоретическая рамка валидна и перспективна (продуктивна) в плане философского обоснования психотерапии.

Ключевые слова: Онтико-онтологическое различие, волюнтаривно-активистская трактовка Dasein, брошенность, ужас, душевное страдание, чуткость.

PSYCHOTHERAPY IN THE FRAME OF ONTICO-ONTOLOGICAL DIFFERENCE. SEVERAL POLEMICAL THESES TO THE DASEINSANALYTICAL CONCEPTION OF ALICE HOLZHEY-KUNZ

TATIANA SHCHYTTSOVA

Dr. habil., Professor of Philosophy.

Department of Social and Political Sciences, European Humanities University, 01114 Vilnius, Lithuania.

E-mail: tatiana.shchytsova@ehu.lt

The article is devoted to critical discussion of the daseins-analytical conception of a Swiss psychotherapist Alice Holzhey-Kunz. The author tries to explicate an internal contradiction peculiar to the approach of Holzhey-Kunz and at the same time to reveal a productive (heuristic) nature of that inconsistency. The main thesis of the article is that the key conceptual innovation of the Swiss psychotherapist (*the substantiation of the emergence of psychic disorders by the ontico-ontological character of understanding*) allows to problematize the principal theoretical framework of her version of Daseinsanalysis, namely the Heidegger's idea of ontico-ontological difference. Such a problematization takes place due to the revealing a fundamental conflict between the ontic and ontological dimensions in the patient's experience; to speak more precisely – between the patient's openness to the ontological truths about himself and his involvement into the ontic dimension of everyday life. The author sees a decisive merit of Holzhey-Kunz in the identification of the existentials (the existential a prioris) as an actual experience of psychotherapeutic patients. The Swiss psychotherapist defines this kind of *this-worldly* ontological experience as *Hellhörigkeit* (in German) – which means literally “sensitive hearing” – and treats it as an *empirical* ground for various forms of psychic suffering. The author argues that the phenomenon of “sensitive hearing” cannot be unambiguously related either to the ontological dimension or to the ontic one and thereby calls into question the theoretical clarity of ontico-ontological difference in Heidegger's existential analytics of Dasein. A decisive moment in the experience of “sensitive hearing” is that *the authentic revealing of the ontological truth takes place not by virtue of the Dasein's own act*. The moment is clearly contrary to the logic of the Heidegger's conception. “Sensitive hearing” presupposes being-affected, passive vulnerability in relation to what you find yourself exposed to (against your own will). Being considered in the context of *Being and Time*, “sensitive hearing” appears therefore as a kind of “ontopathology” – an inappropriate existential constitution – and by this very irrelevance enables a question concerning possibility of another ontology of human existence. The author

concludes that the Holzhey-Kunz' psychotherapeutic interpretation of the Heidegger's principle of onto-ontological difference reveals the necessity of critical rethinking of the extent to which the corresponding theoretical frame is valid and promising (fruitful) in terms of the philosophical substantiation of psychotherapy.

Key words: Ontico-ontological difference, voluntative-activistic interpretation of Dasein, thrownness, anxiety, psychic suffering, sensitivity ("sensitive hearing").

В 2016 году вышел в свет перевод книги Алисы Хольцхей-Кунц *Страдание из-за собственного бытия. Дазайн-анализ и задача герменевтики психопатологических феноменов*. В книге изложена оригинальная концепция психотерапевтического дазайн-анализа, принесшая автору международное признание в качестве одной из ключевых представительниц данной традиции. В основе концепции Хольцхей-Кунц лежит продуктивный синтез экзистенциальной онтологии Хайдеггера (периода *Бытия и времени*) и психоаналитической теории Фрейда. Как подчеркивает Хольцхей-Кунц, такого рода синтез оказывается возможен в силу конгениального и вполне комплементарного усмотрения обоими мыслителями (несмотря на существенную разницу их дисциплинарных парадигм) *герменевтического* характера человеческого существования. Соответственно и дазайн-анализ Хольцхей-Кунц заявляется как феноменолого-герменевтическое предприятие, нацеленное на выявление причин душевного страдания, не подлежащих естественно-научному (медицинскому) объяснению.

Основные достоинства книги и ее общая стратегия были представлены мной (в качестве научного редактора перевода) в соответствующей вводной статье. Здесь же (в поддержку собственного призыва к широкому междисциплинарному обсуждению книги) я хотела бы очертить несколько проблем, которые вырисовываются в связи с ключевой концептуальной новацией швейцарского дазайн-аналитика, а именно – *обоснованием возникновения психических нарушений онтико-онтологическим характером понимания*. Предстоящий критический разбор нацелен при этом на выявление своего рода негативной эвристики книги. Под негативной эвристикой я имею в виду эпистемическую ситуацию, при которой взаимосвязь неких проблемных мест текста (условных "минусов") имеет определенный эвристический эффект (например, содержит распознаваемое имплицитное указание на возможность иного подхода). В самом общем виде мой основной тезис состоит в том, что ряд размышлений Хольцхей-Кунц (базирующихся, подчеркнем

это, на её богатом практическом опыте) позволяет проблематизировать принципиальную теоретическую рамку её версии дазайн-анализа, а именно – положение об онтико-онтологическом различии, которое она наследует у Хайдеггера и интерпретирует в соответствии с задачами психотерапевтической практики.

Прежде чем очертить соответствующие проблемные контексты в рассуждениях Хольцхей-Кунц, необходимо выполнить два подготовительных шага: а) зафиксировать некоторые ключевые хайдеггеровские идеи, которые предполагаются вместе с принципом онтико-онтологического различия и сохраняют регулятивную силу в концепции Хольцхей-Кунц; б) определить специфику толкования этого принципа в психотерапевтическом дазайн-анализе швейцарской ученой.

А). Следует обозначить, как минимум, три таких идеи. Первая – это понимание трансценденции (раскрывающего отношения к Бытию) как акта радикальной индивидуации, при котором исключено любое отношение к любому внутримировстречному существу. Вторая – это идея экзистенциально-онтологической диалектики, или такого устройства *Dasein*, согласно которому его бытие равноисходно определяется модусами открытости и сокрытости, подлинности (собственности) и неподлинности (несобственности). И третья идея представлена в волюнтаривно-активистской трактовке *Dasein*: таковое, говорится в *Бытии и времени*, “только тогда может быть *собственно оно само*, когда само от себя делает себя к тому способным” (Khaidegger, 1997, 263).

Б). В концепции Хольцхей-Кунц происходит своего рода антропологическое редуцирование онтико-онтологического различия¹. Под бытийным отношением (*Seinsverhältnis*) она подразумевает отношение человека к собственной экзистенции, понимающее отношение к исполнению собственного бытия-в-мире как открытой задаче. Соответственно, онтологическое измерение редуцируется к экзистенциальным структурам и фундаментальным характеристикам человеческой ситуации (*condition humaine*) как таковой: горизонт вопроса о смысле “бытия вообще”, об отношении к “бытию вообще” никак не задействуется в её версии психотерапевтического дазайн-анализа (в отличии, например, от дазайн-анализа Медарда Босса). При этом

¹ Здесь уместно вспомнить, что первым, кто прочел *Бытие и время* как трактат по философской антропологии, был Эдмунд Гуссерль.

именно произведенная антропологическая редукция (или: абстрагирование от генерального вопроса фундаментальной онтологии) оказывается тем методическим шагом, который позволяет автору дать ответ на генеральный вопрос психотерапии: из-за чего человек испытывает душевные страдания, или (в другой формулировке): что является первопричиной психических нарушений?

Суть ответа Хольцхей-Кунц заключается в следующем: онтологические истины касательно “человеческой ситуации” – конечность, брошенность, виновность и др. – весьма тяжелы, поэтому человек, как правило, убегает и прячется от них с помощью повседневных дел и забот (на языке Хайдеггера: падает в мир, растворяется “в людях”, в *das Man*); при этом отдельным индивидам свойственна особая чуткость (*Hellhörigkeit*) к онтологическим истинам: открывая их для себя, они оказываются настолько травмированы ими, что не в состоянии ни вынести (принять) их, ни переключиться “как все нормальные люди” в онтическое измерение повседневной жизни. В эмпирическом плане такого рода травмированность (онтическое проседание под грузом онтологических истин) может проявляться в виде весьма разнообразных симптомов, подпадающих под определение психических нарушений. Соответственно, генеральный даэин-аналитический диагноз облачается в формулировку, вынесенную в название книги: страдание из-за собственного бытия².

Обратимся теперь к зонам неоднозначности в рассуждениях Хольцхей-Кунц. Один из её наиболее проблематичных тезисов (и при этом центральный для всей её концепции) состоит в утверждении *фундаментальной конфликтности между онтическим и онтологическим измерениями* в экзистенции человека. Она высказывается на этот счет следующим образом:

[...] открытость сущему и открытость собственному бытию трудно совместимы. Хайдеггер не говорит об этой противоречивости человеческой экзистенции эксплицитно [...] Тому, кто ориентируется только на конкретно данное и не замечает имплицитные отсылки к своему бытию, удаётся – ценой самообмана – обращаться с данным, приспособившись к реальности; тот, кто развивает в себе специфически человеческую способность знать о самом себе, открывает себя онтологическим отсылкам, платя за это отказом способности реально обходиться с предъявляемыми ему конкретными требованиями. (Khol'tskhei-Kunts, 2016, 177)

² Отметим по ходу, что для того чтобы вынести такой диагноз, специалист должен быть одновременно и психотерапевтом, и философом, то есть работать на стыке двух дисциплин.

Прежде всего, следует обратить внимание на сложности с определением референтного поля самой первой фразы процитированного фрагмента. К какому измерению она относится – онтологическому или онтическому? С терминологической точки зрения следовало бы предположить скорее первое. Но если эта фраза является онтологическим высказыванием, тогда она вступает в прямое противоречие с позицией Хайдеггера, согласно которой Dasein как бытие-в-мире характеризуется такой бытийной открытостью, каковая равносходно предполагает открытость по отношению к внутримирно встречаемому существу. При дальнейшем чтении фрагмента появляются основания рассматривать данную фразу как онтическое высказывание, то есть в обоих случаях понимать под открытостью соответствующие онтические установки: под открытостью существу – ориентацию на конкретно данное, под открытостью собственному бытию – установку на самопознание. И все же данную фразу – и тезис о конфликтности, в целом – отличает примечательный мерцающий статус, не позволяющий убедительно развести онтологическое и онтическое измерения (так, например, ориентация на самопознание трактуется как открытость онтологическим отсылкам).

Я вижу в зафиксированной выше двусмысленности рассуждений Хольцхей-Кунц не некое упущение, а тот самый условный “минус”, который позволяет выявить важные вопросы, касающиеся перспектив использования экзистенциальной аналитики Хайдеггера в качестве априори для философской антропологии и дазайн-аналитической психотерапии. Прежде всего, следует обратить внимание, что мерцающий характер соответствующих положений, не позволяющий однозначно отнести их ни к онтическому, ни к онтологическому уровню, возникает именно вследствие практикоориентированного антропологического фокусирования подхода Хольцхей-Кунц. Таковой обнажает исключительно значимый момент, который уходит в тень при чтении *Бытия и времени*: экзистенциальные априори – это не просто условия возможности (структуры и конститутивные принципы) онтического опыта человека, но и сами могут выступать содержанием сингулярного опыта конкретного человека – ситуативно переживаться им/ею как экзистенциальные данности его/её фактической жизни. Другими словами, через анализ феномена душевного страдания Хольцхей-Кунц показывает, что экзистенциально-онтологическое измерение не является трансцендентальным в классическом (кантовском) смысле. Любой экзистенциал сам по себе – то есть, будучи ситуативно открыт/прожит как фундаментальная характеристика

“моего” существования – может стать *эмпирической* почвой для вызревания различных (по своей симптоматике) форм душевного страдания.

Отмеченное выше смещение трансцендентального и эмпирического – действительно, невысказанное в кантовской философии – вполне согласуется с парадигматической формулой хайдеггеровской экзистенциальной онтологии “экзистенция – это онтическое дело Dasein”. Если в *Бытии и времени* лишь изредко встречаются фрагменты, побуждающие усомниться в однозначности онтико-онтологического различия, то это объясняется общим теоретическим фокусом книги, предполагающим последовательное введение и систематическое аналитическое отслеживание различия между онтологическим и онтическим. Для Хольцхей-Кунц как психотерапевта, в свою очередь, важно показать *посюсторонность онтологического опыта*. И в той мере, в какой ей это удастся – то есть удаётся осмыслить эмпирическое проживание того или иного экзистенциала как основание психического нарушения, – аналитическая ясность онтико-онтологического различия перестает казаться бесспорной.

Вернёмся теперь к тезису швейцарской ученой о том, что экзистенции человека в силу её онтико-онтологического устройства свойственна фундаментальная конфликтность, или противоречивость. Мне представляется, что данный тезис – при всей его, отмеченной выше, проблематичности (радикальном несоответствии базовому представлению Хайдеггера о фундаментальной роли экзистенциального по отношению к экзистентному) – вполне последовательно вытекает из посюстороннего рассмотрения онтологического опыта у Хольцхей-Кунц. Чтобы разобраться в этой запутанной ситуации, необходимо вспомнить об указанных в самом начале трех ключевых идеях, которые, фигурально выражаясь, наполняют жизнью онтико-онтологическое различие – выявляют его как структуру исполнения экзистенции, показывая тем самым, что само это различие является вопросом (делом) бытийной экстатики “вот-бытия” (Da-sein). Опираясь на эти идеи, Хольцхей-Кунц (в соответствии с общей стратегией своего подхода) делает их частью посюстороннего онтологического опыта, в результате чего концептуальные связи, представляющиеся вполне консистентными в рамках фундаментальной онтологии, обнаруживают свою проблематичность. Проясним это несколько подробнее.

В рамках фундаментальной онтологии утверждение о противоречии между онтологическим и онтическим должно было бы рассматриваться

как совершение ошибки, со времен Аристотеля известной как μεταβασις εἰς ἄλλο γένος (переход в другой род). Напряжение, свойственное экзистированию, определяется конфликтностью иного плана, а именно – противонаправленностью бытийной динамики в модусах подлинности и неподлинности: в первом случае речь идет о поворачивании к самому себе, во втором – об отворачивании от самого себя. Как уже отмечалось, всякое фактическое экзистирование (в своей динамике) равноисходно определяется обеими возможностями: возможностью найти себя и возможностью потерять себя. Хольцгей-Кунц в полной мере наследует эту амбивалентную логику экзистирования, вместе с центральным для нее понятием субъективности – то есть пониманием Dasein как сущего, отличительным свойством которого является самоотношение. И, в целом, надо подчеркнуть, что она вполне строго следует тому теоретическому заделу, который сам Хайдеггер аттестует в *Бытии и времени* как разработку экзистенциального априори для философской антропологии. Как же получается, что в этом следовании основоположениям хайдеггеровской экзистенциальной аналитики возникает “еретическое” представление об онтико-онтологической конфликтности?

Мы приблизимся к ответу на поставленный вопрос, если зафиксируем два способа (аспекта) тематизации модусов подлинности и неподлинности у Хайдеггера: динамический и статический³. О первом мы уже кратко упомянули. Второй аспект означает, что подлинность и неподлинность мыслятся как соответствующие полюса, (виртуально) структурирующие “пространство” экзистирования. Как такого рода предельные термины подлинность и неподлинность мыслятся как идеальные (однозначные, лишенные амбивалентности) ориентиры. Проще говоря, чтобы обосновать амбивалентную динамику фактического экзистирования, нужно допустить (вообразить) два полярных образа Dasein: исключительно подлинный и исключительно неподлинный. При этом Хайдеггер – и именно здесь, как мне представляется, заключен корень всех последующих “ересей” и проблем, – не ограничивается ноуменальным характером такого рода допущения, но делает центральной темой *Бытия и времени* достижение полюса подлинности благодаря особому акту – заступанию в смерть. Последнее осмысляется как акт самой радикальной трансценденции: в этом акте “всякое бытие при

³ Ср.: (Borisov, 1998).

озаботившем и всякое событие с другими отказывает” (Khaideger, 1997, 263). Другими словами, по самой своей бытийной конституции Dasein мыслится как в возможности автаркичное, что значит: способное само от себя выступить основанием собственной подлинности. При этом состояние автаркии достигается благодаря заявленной Хайдеггером способности Dasein трансцендировать все связи с миром.

Таким образом, возможность экзистирования в модусе подлинности – то есть в модусе поворачивания к самому себе – основывается на допущении такой позиции Dasein, находясь в которой, Dasein, хотя формально и остается определенным как бытие-в-мире, однако же не предполагает никаких фактических связей с миром. Единственным валидным фактом, соответствующим определению “бытие-в-мире”, остается голый факт экзистенциальной “брошенности” Dasein, соответственно – факт врученности Dasein(y) его бытия как “брошенного”. Введение этой воображаемой позиции – независимой от мира *абсолютно во всем*, кроме самой необходимости быть в нем, – закрепляется у Хайдеггера в таких характеристиках, как изолированность (Isoliertheit), эгоитичность (Egoität) и могущество (Mächtigkeit) (Heidegger, 1978, 172–175, 240–241).

Теперь можно снова вернуться к “еретическому” тезису Хольцхей-Кунц. Когда она заявляет о противоречии между онтологическим и онтическим опытом человека – а именно, о противоречии между открытостью онтологическим истинам о самом себе и погруженностью в онтическое измерение повседневной жизни, – то она, опять же, не делает ничего другого, кроме как последовательно *воплощает* все экзистенциальные структуры Dasein, включая полюс “чистой” подлинности в его противопоставленности любой увлечённости внутримирными вещами и онтическими задачами. “Воплощает” означает в данном случае нечто предельно конкретное, а именно: выявляет их не (просто) как элементы онтологической теории, а как действительный опыт психотерапевтического пациента. В этом отношении особый интерес представляет феномен чуткости, который не может быть однозначно отнесен ни к онтологическому, ни к онтическому измерению. С одной стороны, чуткость означает как раз бытийную открытость факту собственной брошенности, понимание-претерпевание брошенности *как таковой*; с другой стороны, чуткость не только мыслится как феномен, имеющий конституционное и/или биографическое основание, но и представляет собой такую форму открытости экзистенциальной истине, кото-

рая оказывается патогенной в психотерапевтическом смысле – то есть генерирует душевное страдание, проявляющееся через различные симптомы (невротические, депрессивные, психосоматические и т.д.).

Обоснование психических расстройств онтико-онтологическим характером понимания заключается, таким образом, в установлении взаимоисключающего отношения между онтологическим пониманием (чуткостью к экзистенциальной истине) и онтическим пониманием (понимающим обхождением с сущим). Пациент – это индивид, открывающий-проживающий собственную брошенность (или другую фундаментальную характеристику собственного существования) как экзистенциальный факт и при этом оказывающийся не в состоянии отвернуться от такового – забыть – посредством растворения в “людях”. Парадоксальный (сдвоенный) статус чуткости, выступающей как онтико-онтологическая характеристика душевно страдающего индивида, требует в итоге нарушения логики хайдеггеровской экзистенциальной аналитики: герменевтика психопатологических феноменов позиционирует таковые за рамками дуальной схемы “поворачивание к самому себе – потеря себя в людях”. Психические расстройства (например, впадение в депрессию) тоже показываются Хольцхей-Кунц как формы бегства от самого себя, но принципиально *иные*, нежели бегство в *das Man*. При этом, будучи, по выражению автора, “приватной формой бегства”, психическое расстройство остается как раз показателем того, что индивид, образно выражаясь, остается на крючке своей чуткости, то есть остается *до боли* открыт онтологической истине о себе самом.

Итак, согласно концепции Хольцхей-Кунц, в основе душевного страдания лежит травмированность онтологическим опытом (подлинным пониманием себя в аспекте собственной экзистенциальной фактичности). “Чуткое *Dasein*” расходится с хайдеггеровским образом исключительной подлинности в одном принципиальном отношении: *ему недостает могущества* (экзистенциальной мототы, или, пользуясь выражением Тиллиха, “мужества быть”). В контексте фундаментальной онтологии Хайдеггера могущество *Dasein* имеет две стороны: деятельностьную и аффективную. В первом случае оно характеризует способность *Dasein* самому от себя определять собственное бытие; во втором – способность выстоять в ужасе – ужасе собственной экзистенциальной фактичности, каковая открывается как брошенность и не-по-себе, безосновность и вина. Не трудно видеть, что аффективная способность фундирует деятельностьную.

При этом Хайдеггер подкрепляет аффективную силу (исключительно подлинного) Dasein следующим постулатом: “С трезвым ужасом, ставящим перед одинокой способностью быть сходится прочная радость от этой возможности” (Khaidegger, 1997, 310). Феноменолого-герменевтический анализ психопатологических феноменов, предпринятый Хольцхей-Кунц, заставляет говорить о таком прецеденте, когда для Dasein, открывающего себя как одинокую (врученную самому себе) способность быть, *ужас не сопрягается с радостью*, ибо оно как раз не выстаивает собственную ужасающую ничтожность, а, напротив, проседает и страдает из-за неё, оказываясь не в состоянии взять на себя своё бытие.

Возвращаясь к понятию негативной эвристики, можно теперь зафиксировать, что один из значимых эвристических эффектов дазайн-аналитической герменевтики Хольцхей-Кунц состоит в том, что она делает актуальным вопрос о границах валидности (и применимости) экзистенциальной онтологии Хайдеггера, коль скоро обнаруживается, что в ней не учитывается (концептуально не схватывается) возможность такого рода трещины, как *онтико-онтологическая чуткость*, открывающая место психопатологической динамике. Дополнительным аргументом в поддержку такой проблематизации может служить и тот факт, что в *Бытии и времени* отсутствует какое-либо убедительное обоснование постулирования радости как равноисходного с ужасом основополагающего расположения (настроения)⁴. В этом отношении психотерапевтический дазайн-анализ Хольцхей-Кунц совершенно комплементарен трагическому образу Dasein, представленному в *Бытии и времени*. Трагизм заключается в неразрешимой антиномичности *фактического экзистирования*: с одной стороны, оно предполагает онтологический принцип (воображаемый полюс) исключительно подлинной самостоятельности, с другой – исключает возможность ее реального исполнения. Аффективным измерением этой антиномичности является как раз расположение (настроение) ужаса. Вслед за Хайдеггером швейцарская дазайн-аналитик тематизирует человеческое бытие как такое, которое неизбежно погружено в состояние ужаса (или, в другом, более популярном среди психотерапевтов переводе, – состояние тревоги).

⁴ См. в этой связи: (Shchittsova, 2006).

Важно подчеркнуть, что *неизбывность* онтологического ужаса в человеческом экзистировании обусловлена именно спецификой трактовки Dasein в *Бытии и времени*. С одной стороны, оно не положено как классический субъект, что значит: не является своим собственным основанием и никогда (в силу экзистенциала “брошенности”) не может всецело стать своим собственным основанием; с другой стороны, оно определено таким образом, что состояние-субъекта (а именно: обретение *подлинной* самостоятельности исключительно своим собственным актом) задано как его идеальная возможность. Указанное расщепление и открывает место для ужаса как “основорасположения” Dasein. В этой связи показательно, что подлинное экзистирование понимается Хайдеггером не как преодоление ужаса, а как выстаивание в нём. Психотерапия, базирующаяся на такой концепции Dasein, имеет, соответственно, одну генеральную цель – помочь пациенту сжиться с суровой онтологической истиной, то есть помочь научиться жить без патологического проседания под тяжестью и ужасом, которым онтологически выставлен человек. Такого рода терапия может быть названа *симптоматической* – в том смысле, что она не в состоянии устранить исходных причин душевного страдания, а только его наиболее угнетающие (препятствующие “нормальной человеческой жизни”) симптомы.

Дизайн-аналитическая психотерапия Хольцхей-Кунц соответствует данному выше определению “симптоматическая”, так как она нацелена на то, чтобы по мере возможности минимизировать патогенный эффект выявленной у пациента онтико-онтологической чуткости. Однако, эта задача опять же не лишена противоречия, если пытаться вписать её в рамки хайдеггеровской концепции. Что означает: лишить чуткость ее страдательного элемента? В биполярной логике хайдеггеровской экзистенциальной аналитики в этой связи возможны только два ответа: мы должны или допустить невозможное – длительное выстаивание в ужасающей экзистенциальной истине (по этому поводу сама Хольцхей-Кунц отмечает: “Хайдеггер предостерегает от того, чтобы считать идеалом экзистенции выдерживающее ужас признание собственного Dasein как бытия к смерти. В *Бытии и времени* оно задействуется как возможность, которая лишь на мгновение подлежит схватыванию”) (Khol'tskhei-Kunts, 2016, 159); или нейтрализовать страдательность через возвращение пациента к “здоровому человеческому смыслу”, который является у неё эквивалентом das Man. Таким образом, верность хайдеггеровской концепции должна была бы предполагать, что результат успешной терапии

следует мыслить как преодоление чуткости как некоей аномалии и возвращение в рамки “нормальной” экзистенциальной динамики отворачивания-поворачивания: своего рода осцилирования между растворением в “людях” и интенсификацией критического самопонимания, – динамики, которая, согласно Хайдеггеру, преимущественно (“*zunächst und zumeinst*”) пребывает в фазе отворачивания.

Сдвоенный (онтико-онтологический) характер феномена чуткости позволяет опознать решающее обстоятельство, противоречащее логике хайдеггеровской концепции: *открытие онтологической истины происходит в данном случае не в силу собственного акта Dasein*. Про “чуткое Dasein” нельзя сказать, что это оно (само от себя) заступает в смерть. Чуткость предполагает аффицируемость, пассивную задетость, уязвимость в отношении к тому, чему оказываешься выставлен против собственной воли. В системе координат *Бытия и времени* чуткость выступает поэтому как “онтопатология” – несоответствующее бытийное устройство – и самим этим несоответствием открывает место вопросу об иной онтологии человеческого существования.

Подведем некоторые итоги. Онтико-онтологическое различие, являющееся базовым принципом хайдеггеровской экзистенциальной аналитики Dasein, утрачивает концептуальную однозначность при его психотерапевтической интерпретации в концепции Хольцхей-Кунц, в результате чего обнаруживается необходимость критического осмысления того, в какой мере предполагаемая этим принципом теоретическая рамка валидна и перспективна (продуктивна) в плане философского обоснования психотерапии. Опираясь на принцип онтико-онтологического различия и имплицированное в нем понятие бытийной подлинности отдельного Dasein, Хольцхей-Кунц в полной мере следует логике, лаконично схваченной Левинасом в известной критической констатации: “Анализ *Бытия и времени* нацелен либо на повседневную безличность, либо на одинокий Dasein” (Levinas, 1998, 24). Выявление в этой биполярной картине патологического выпадения в виде онтико-онтологической чуткости, с одной стороны, является исключительной заслугой швейцарской учёной, с другой – не становится для нее самой основанием для проблематизации хайдеггеровской концепции, а напротив, побуждает к тому, чтобы и психотерапию вписать в логику хайдеггеровского подхода: дизайн-аналитик, работающий с *чутким* пациентом, выступает как проводник в лишенное ужаса и страданий измерение *das Man*.

Чтобы наметить горизонт для иного осмысления психотерапевтического опыта, следует, на мой взгляд, принять во внимание два, совершенно не случайных, тематических упущения в концепции Хольцхей-Кунц. Об одном уже говорилось в самом начале – имеется в виду абстрагирование от вопроса о смысле бытия вообще; второе – это игнорирование вопроса о подлинном бытии-друг-с-другом, составляющем альтернативу растворению в *das Man*. Первый вопрос, как показывает позднее мышление Хайдеггера, открывает перспективу осмысления бытийной экстастики, позволяющей преодолеть волюнтаривно-активистский образ *Dasein*; второй – перспективу осмысления душевного страдания как проблемы отношения с другими, *не редуцируемой* к проблеме самоотношения. Примечательно в этой связи, что Хольцхей-Кунц занимает критическую дистанцию по отношению к соответствующим разработкам двух отцов-основателей дазайн-аналитической традиции в психотерапии: с одной стороны – по отношению к попытке Босса построить терапию на десубъективированном концепте *Dasein* позднего Хайдеггера (Boss, 1971); с другой – по отношению к попытке Бинсвангера противопоставить “одинокому *Dasein*” раннего Хайдеггера онтологию бытия-вместе (“Мы”) как онтологию любви (Binswanger, 1942). Неудовлетворенность этими попытками подвигла ее развивать собственную версию дазайн-анализа на пути синтеза экзистенциальной аналитики Хайдеггера и психоанализа Фрейда. При этом, как было показано выше, философская рамка новой версии осталась всецело хайдеггеровской. Мне, в свою очередь, представляется, что перспективы развития дазайн-аналитической традиции в психотерапии в значительной степени связаны с тем, в какой мере будут восприняты и развиты оригинальные наработки Хольцхей-Кунц, выявляющие границы хайдеггеровского подхода.

REFERENCES

- Borisov, E. (1998). Fenomenologicheskii metod M. Khaideggera [Phenomenological Method of M. Heidegger]. In Khaidegger, M. *Prolegomeni k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Concept of Time] (345-375). Tomsk: Vodolei. (in Russian).
- Binswanger, L. (1942). *Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins*. Zürich: Max Niehans.
- Boss, M. (1971). *Grundriß der Medizin*. Bern: H. Huber.
- Heidegger, M. (1978). *Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz* (GA 26). Frankfurt a. Main: Vittorio Klostermann.
- Khaidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad marginem. (in Russian).
- Khol'tskhei-Kunts, A. (2016). *Stradanie iz-za sobstvennogo bytiya: Dazain-analiz i zadacha germenевtiki psikhopatologicheskikh fenomenov* [Suffering from Our Own Being: Daseinsanalysis

- and the Task of a Hermeneutics of Psychopathological Phenomena]. Vilnius: Logvinov. (in Russian)
- Levinas, E. (1998). *Vremya i Drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of the Other]. St. Petersburg: The St. Petersburg School of Religion and Philosophy. (in Russian).
- Shchittsova, T. (2006). *Memento nasci. Soobshchestvo i generativnyi opyt* [Community and Generativity]. Vilnius: EHU. (in Russian).